

ИЗБРАННИЦА МУЗ

(заметки о творчестве Нины Ягодинцевой)

Введение

Сколько бы ни прошло стремительного времени, сколь бы ни менялись ветра и пути человечества, востребованность поэтического слова всегда остаётся неизменной. Главное – это обнажённая исповедальность, личная выстраданность этого Слова, вбирающего в себя накопленное прошлым опытом, придающим ему – Слову – масштаб обобщений и тонкость восчувствований без назидательности и самолюбования.

Именно таким поэтом – дорогим и понятным мне в каждом признании – была и остаётся моя землячка, Нина Ягодинцева, выпустившая в петербургском издательстве скромный и лаконичный сборник стихов «Избранное», вобравший самое ценное из её многочисленных книг за три десятилетия.

Ещё Блок писал: «Первым и главным признаком того, что данный писатель не есть величина случайная и временная – является чувство ПУТИ».*

Издание «Избранного» Н. Ягодинцевой – свидетельство необычайного для нашего времени духовного пути творческой личности, одарённой не просто зоркостью к деталям подмеченных в природе и обществе событий, но и редчайшего философского мастерства в создании глубинной картины явлений современной жизни – жизни на глобальном сломе традиций, обнажения сущности современного кризиса. Исследователи творчества поэта давно подметили особое свойство нравственной и духовной устойчивости её мировоззрения, тонкость её психологического рисунка и пейзажных описаний: «Вспоминая Сыростан, // вспоминаешь неземное, // словно снег несёшь устам, // истомившимся от зноя...» Или: «Огонь в печи воздел ладони // И замирает, трепеща, // И на серебряной иконе // Подхвачен ветром край плаща...»

Признание поэтессе принесла также внешняя лёгкость и смиренная простота её стихосложения: «В январь – как на горочку тянешь сани. // Взгляни распахнутыми глазами // С крутого, высокого царь-холма: // Зима! <...> // Дай Бог тебе, Родина, столько света, // Сколь в песнях твоих за века напето. // Дай Бог тебе воли – сколь все ветра! // Любви, всепрощения и добра...»

Но все эти черты, бросающиеся в глаза даже при поверхностном чтении, в настоящем итоговом сборнике «Избранного» дополняются куда более значительным смыслом, когда знакомишься с пульсирующим, напряжённым развитием мыслей и чувств поэта, её внутренним эволюционным ПУТЁМ, который и хочется открыть для заинтересованного читателя.

I.

«Тёмный сад» – так называет Нина Ягодинцева первую часть своего поэтического пути, датированного 1982–1991 годами. Из её биографии известно, что этим годам предшествовала работа на Магнитогорском металлургическом комбинате и последующая учёба в Литературном институте в Москве. За плечами – и первая публикация в одиннадцать лет в

-
- Блок А.А. Душа писателя. Собр.соч. т.5 с.369

газете «Знамя», и занятия в замечательном литобъединении у яркой поэтессы Нины Кондратовской – ветерана поэтических битв магнитогорской гвардии словотворцев. Словом, позади – детство, юность, школа, родной край, а затем – созревание в стенах лучшей литературной академии мира... Именно тот период (82-87 гг.) вкупе с последующим – челябинским (87-91 г.г.) и является пространством «Тёмного сада», наполненным взрывной динамикой мятежных событий, чью сущность молодая поэтесса выплёскивает в первой части «Избранного»: *«Свобода! Твой высокий гром // Взрывает глушь почти желанной мукой, // Я знаю, завтра мы умрём, // Но здесь, сейчас, перед разлукой // Мы видели прекрасные черты, // Пустые тропы молодого рая, // И слава Богу, если знаешь ты, // Зачем ты губишь нас так рано...»*

Вместе со своими современниками упоение свободой не могло миновать молодую душу; однако тревога и смертельная опасность этой неожиданной свободы передаётся поэтессой абсолютно нетрадиционно и тревожно: *«Желанье властвовать и страсть // К движению или созиданью: // Дымящиеся глыбы класть // В основу мирозданья...»* Это желанье раскованности происходит в стране, где *«в убогих русских городах // горят огни до поздней ночи, // но гаснет свет – и волчий страх // у спящих выедаёт очи...»* Поэт знает, в какой исторической канве творится новый разлом, происходит неистовая схватка за власть: *«Как странно в вязкой пустоте // Среди погибших слов // заговорить на языке // утраченных богов...»* Или: *«Куда идти? Кого винить? // Кого молить повинным словом, // Коль под твоим высоким кровом // Нам негде голову склонить...»* Автор этих пронзительных строк глубоко чувствует исконную связь «кровя» и «крови»... Её накопленный в стол раннем возрасте опыт предшествующих катаклизмов Отчизны делает её зоркой и не по годам мудрой: *«И кто-то последний умрёт на пороге Свободы, // Последнего знака, последней звезды не дочтя...»*

У Блока в той же статье замечается: «Не дело художника – смотреть за тем, как исполняется задуманное, печься о том, исполнится оно или нет. У художника – всё бытовое, житейское, быстро сменяющееся – найдет своё выражение потом, когда перегорит в жизни... Дело художника – видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит «разорванный ветром воздух».

Словно подхватывая это поэтическое ощущение гения русского слова, Нина Ягодинцева говорит: *«Если о России // Не говорить, не думать, не дышать <...> – // Мы канем в пустоту, не отыскав ночлег...»* «Спеши! Наградою тебе // Деревня. Люди. Ночь в избе...» И от этого земного, осязаемого, домашнего – к стремительному, небесному, космическому: *«Когда позор, тоска, бессилье // Отравят грудь – // Для тайных странствий по России // Есть Млечный путь...»* Это бегство в язычество, в Средневековье, этот инстинкт самосохранения души и веры так входит в миро-созревание юной, в сущности, поэтессы, что, сохраняя этот период в итоговом «Избранном», она ясно показывает, какой путь она избрала, став сама избранницей классической и трагической линии русской поэзии. Именно этот выбор сделает её стойкой в последующих испытаниях.

Впоследствии, через четверть века, обретя стойкость и мужество в испытаниях, в микро-поэме «Вечерний круг» она напишет о том прошлом времени: *«Страна умирать не хочет. Она живёт // В бессрочной коме... Открой теперь и прочти, // Что было написано в тысяча девятьсот // Восемьдесят четвёртом, с каких высот // Летела в стаю пущенная стрела // И круг её вечерний разорвала...»* *«Ужас возвращения в средневековье: // Будни пахнут пивом, пылью и кровью... // <...> Мир рационален ровно настолько, // Чтобы снова затеять вавилонскую стройку... (2011г.)* Но это будет уже в абсолютно другом качестве её поэтической зрелости, до которой ещё длинная, изматывающая разум и душу дорога.

II.

Девяностым годам в «Избранном» соответствует крупный раздел «Ради шелеста, лепета, пенья» (1992 – 2001 г.г.), само название которого знаменует погружение в чародейство природы, соприкасаясь с которой только и возможно «дойти до самой сути, до сущности протекших дней, до их причины, до оснований, до корней, до сердцевины»... (Б.Пастернак)

Выходец из городской промышленной среды, питомица тесных студенческих, а потом – рабочих общежитий, поэтесса преобразуется в поэта-ясновидца и духовидца, впитывая всей полнотой чувств знаки и язык растений, гор, стремительных уральских рек и таинственных самодостаточных лесов – чернолесья. *«В России надо жить бездомно и смиренно... <...> В России надо жить не хлебом и не словом, А запахом лесов – берёзово-сосновым. <...> // Великая страна, юдоль твоя земная, // Скитается в веках, сама себя не зная...»*

Наитие вместо логики технического расчета. Интуиция вместо фальшивого оптимизма. Импрессионизм вместо бунтарского реализма передвижников, которых так любили наши просвещенные учителя-добротолубы. И вместе с этим, наряду с нарастающей зоркостью деталей («нежная жасминовая кожа», «неспелый жемчуг», «сирень, как туча грозовая», «острые копыта весенних трав») идёт нарастание видения незримого, обобщения сцеплений первопричин: *«Из наших молитв и чаяний – верных нитей, // Из наших наивных песен и смутных снов // Ткётся в холодной выси канва событий // И укрывает Россию её покров...»*

Где-то на обочине сознания оставляет поэт личную драму крушения любви: *«Оставим всё как есть: // Кафе. Театр. Почта. // Ожог».* Она даже находит исключительные формулы этому самоотречению от личного счастья: *«Мы служим любви, а запроданы силе за страх // Какой-то бедой»*, которые недоступны обывателю и редки даже у самых выдающихся творцов слова. И, хотя поэт осознаёт всю трагичность такого холодно-пустынного отречения: *«Мне страшно. Мне темно. Окликните меня!»*, она с отчаянным самоистязанием констатирует: *«Но наступает, как проклятье, // Необратимый тайный час, // Когда учителя и братья // Уже не понимают нас...»* Выбор судьбы становится всё яснее самому автору, давая неизъяснимое мужество и дар прозрения: *«Куда бежать воде? Куда векам стремиться // И нам держать свой путь? // Мы отыскали том. Но каменной страницы // Нам не перевернуть...»*

Именно в девяностые, когда испытания и их жестокость достигают пика как для всей страны, так и для личности автора, у неё вырываются исповедальные строчки: *«Я говорю: печаль мудра, // Ещё не зная, так ли это...» «Я солгала. Я неповинна...» «Я умирала дважды. Оба раза – // Из-за любви...»* Тогда все бытовые внешние пейзажи родного края наполняются такой психологической трагичностью, таким сконцентрированным напряжением, что предвещают «разрыв аорты»: это стихотворения «Сыростан», «Златоуст», «Время – ветер», «Ресницам – сна...», «Течение донных трав»: *«Они текут, текут: отныне и доныне... // Опомнишься – зима. Оглянешься – пустыня».* И только инстинкт материнства, мощь которого в русском слове воплотила её могучая предшественница (а теперь – учитель) Марина Цветаева, заставляет уже теперь зрелого поэта и мать воскликнуть: *«О, Господи, ведь ты послал детей // Спасать меня из гиблой круговерти! // И если я подумала о смерти, // То это было: Боже, не теперь!..»* Петербург, красавица-Москва, торгующая всем и на каждом углу, своими контрастами и обнажающимся бесстыдством дают поэту всё нарастающую силу и право на пророчества: *«Знать, из горького опыта // Не выходит хорошего: // Что не продано – пропито, // Что не пропито – брошено. // Что не взято – отравлено, // У потомков украдено... // Если сказано правильно, // Ты прости меня, Родина...»*

По своей биографии, так близко и сердечно знакомой мне, я знаю, как целительно было тогда поэту стать самоотверженной водительницей молодых незрелых, растерянных «птенцов, встающих на крыло»... Судьба подарила ей роль наставницы молодых из «потерянного поколения», и это стало праведной «миссией» поэта на всю последующую эпоху: *«Единственный огонь из всех огней, // Способных озарить собою сферу, // В которой мы живём, испытывая веру // И многократно утверждаясь в ней...»* Самоотдача на грани «самопожертвования» – вот высший нравственный путь и – не побоюсь произнести – подвиг Поэта, который в те годы дала ей судьба, были переплавлены и осмыслены Ниной Александровной в исполинско-масштабном ракурсе: *«Живя меж облаками и людьми, // Отдав долги и дерзости, и лести, // Я научилась кланяться любви // И праздновать тоску по-королевски...» «О да, я знаю, исхода нет, // Но вижу: над стаей наших судеб // Кружится, кружится вечный снег, // Крошится, крошится вечный хлеб...»* Именно тогда в её публицистике, к которой она имела мужество снизойти, возникла формула: «Культура – это достоинство».

III.

Третья – и заключительная – часть «Избранного» была создана в первое десятилетие XXI века (2002-2011 гг.). Как известно, столетие заканчивается в своём культурном наследии где-то спустя десять-пятнадцать лет, забегая в следующий век. XVII век Руси кончился победами Петра, XVIII век – разгромом Наполеона, XIX век – Октябрьским переворотом. Где-то в середине десятых годов произойдёт окончательный отказ от книгочтения и классического искусства, как ясно всем нам сегодня.

Автору «Избранного» посчастливилось обрести зрелость в так называемые «нулевые» годы начала XXI века, и это время было ею

озаглавлено «Трава-тишина». «Листья травы» – любимая тема великого Уолта Уитмена – переосмысливаются Ниной Ягодинцевой как бессмертие жизни, всего живого на земле: *«Да будут родники целительно-медовы, // Полны живой водой, // И ноши никакой в пути – и только Слово // Всегда с тобой...»* Ей, ставшей воительницей, владелицей великого наследия, уже не страшно вступать в схватку с любыми химерами, смущавшими ещё древних греков. Поэт азартно одолевает «птице-змея» и «пауко-льва», «ящерицу-пса» и «рыбо-дракона» (последнего – впоследствии), в которых она «мещет стрелы огненные»... *«Дай стрелу. Уйди за спину. // Учись. Я на мгновение застыну // Меж двух ударов сердца наяву // И отпущу тугую тетиву...»*

Поэт, находясь в бывшем стольном граде древней Руси, украшенном соборами девяти веков с языческим узорочьем, гордо и с вызовом произносит: *«А где ж ещё // До бела снега догорать, // Как не в России, во Владимире, // Где ты несёшь домой свечу, // А я шепчу: «Прости, прости меня», – // Но быть прощённой не хочу...»* Зорким зрением видит Поэт далеко за рубежами своей тысячелетней Отчизны все её смутные и судьбоносные времена: *«Листвы взволнованная речь // Ошеломляет, нарастая... <...> // Спаси, утешить, оберечь, // Дать мужество на ополченье, // И небо – речь, и поле – речь, // И рек студёные реченья...»*

Она обретает искусство точно и лаконично передать суть гражданского братоубийства: *«Непогода пришла, как отряд батьки Махно»,* исполинскую трагедию Великой Отечественной: *«Военные грузовики, брезент заиндевелый... <...> // На три открытых стороны – // России, вечности, войны...»* В её строках выстраиваются и собственные героико-эпические заповеди: *«Помилосердуй же! И впредь, // Где горя горького напластано, // Не дай соблазна умереть, // Не допусти соблазна властвовать!»* «Руки ли греют, Богу ли мстят // За немоту свою? // Ты принимаешь пламенный стяг: // – Я и в огне спую!» Отчеканиваются категорические императивы, коими и будет питаться та неокрепшая поросль, что ныне скитается без пастырей, без милосердия: *«В немилосердии прошедшего – // Немилосердие грядущего!»* «Обжигая губы об имена, // Не позаришься на чужую ложь... // Три глотка спасительных: «Ро-ди-на» – // И опять живёшь...» «Всё кажется: тебе // Какой-то смысл загадан, // И если ты его сумеешь отгадать – // Как посуху пройдёшь...»

Надо ли говорить, сколь целительным и жизнеспособным оказывается такое слово, подземными токами связанное с древне-сказовым и исконно русским наследием, языческим или перво-христианским, или фольклорным, былинным, каким свободно владеет ныне Нина Александровна – признанный знаток культурных заповедей наших предков и – одновременно – яркий публицист, борец за сохранение наследия русского языка, как «кода нации». *«Моя любовь навсегда останется здесь, // На этой горькой земле, // Вымирающей каждый день, // Чтобы просто жить, // В потоках липкой, // Политой синтетическим шоколадом лжи...»* Юному сыну, вступающему в жизнь, своему выкормышу-«стрижу» она исповедально пишет: *«Никто не обещал тебе покоя, // Но вот они – воздушные пути! // А сбудется – лети – совсем другое. // Совсем другое сбудется. Лети...»*

В финале «Избранного» дерзко и с вызовом стоят аллегорические строфы: *«Я – жизнь твоя. Я сон твой безымянный, // Припоминаньем спутанный к утру. // Не окликай Мариной или Анной – // Без имени умру!.. <... > Под утро просыпаешься – пустое // Купе, сквозняк, озноб и тишина... // Я жизнь твоя. Я ничего не стою, // Сама себе цена...»* Так наследуется в исповедальности традиция безымянных русских иконописцев и летописцев. Так отрекаются от всемирных авторитетов слова во имя смирения и бескорыстия; что тоже признак достоинства и благочестия. И хотя сквозняк и пустота явно предсказывают катастрофу брошенности наших детей и внуков в грядущие времена, думается, что книга и опыт Нины Александровны будут востребованы в «немилосердном Грядущем».

Заключение

Остаётся только констатировать, как доказанный факт, наличие в нашем крае мощного поэтического таланта, прошедшего свой, уникальный и мало оцененный современниками, путь Художника высокого самоотверженного труда, преданности Отчизне и – самое главное – феноменальной трудолюбивости и бескорыстия. Прикосновение как к её творчеству, так и к её искусству бытия – всегда знаменательно для нас, её земляков и современников.

Кирилл Шишов

Нина Ягодинцева. Избранное. Серия «Библиотека российской поэзии». Издательство «Маматов», Санкт-Петербург, 2012 г., 336 стр.